

Серёга-Пастух лежал на пыльной песчаной дороге, упершись носом в землю и неестественно подогнув под себя руку. Над ним несмело, но настойчиво кружили слепни, будто брезгуя приземлиться. Мальчишки на велосипедах босыми ногами в комариных укусах крутили педали и объезжали его стороной, вздымая клубы пыли.

К придорожному колодцу шла Оксана, беззаботно раскачивая синее пластиковое ведро. В школе начались каникулы, и теперь она могла отдохнуть от проверки тетрадей, исписанных корявым почерком, и не изводить красные чернила. Заметив Серёгу-Пастуха, она ускорила шаг, а потом и вовсе побежала.

– Вы живой? – она склонилась над ним, но вмиг отпрянула.

В нос ударил тяжелый запах спирта, смешанный с нестираным обмоченным бельём.

– Да чё ему будет-то? – за спиной Оксаны остановилась Люська, привычным жестом отдернув врезающиеся в ягодицы пестрые лосины.

– Не знаю, может, сердце?

– Нет у него сердца. Пропил.

Мимо снова пронеслись мальчишки на велосипедах, нарезая очередной круг по деревне.

Оксана протянула руку, на секунду застыла, а потом потрепала его по плечу:

– Поднимайтесь. Ну, поднимайтесь же!

Серёга-Пастух что-то промычал, открыл правый, заплывший фиолетовым глаз и с недоверием посмотрел на Оксану. Ему никто и никогда не протягивал руки и уж тем более не предлагал помощь. Затем спохватился, похлопал себя по груди, а, когда нащупал, что искал, облегченно вздохнул:

– Мадмуазель, пожертвуйте на маленькую.

– Ахахаха, – утробно засмеялась Люська, – а ты говоришь, сердце.

От досады Оксана глубоко вздохнула, но руку не отняла.

– Поднимайтесь, – терпеливо повторила она.

Серёга-Пастух неловко перекатился на бок и осторожно дотронулся до тонких ухоженных пальцев. Затем встал на четвереньки и боязливо пополз по дороге в сторону барака. Вечером там опять, наверное, будут бить, но перед этим нальют. Главное, чтобы не так, как в прошлый раз, когда те озверели до крови в глазах. Тогда они молотили его ногами, не в силах простить эту глупую трогательную улыбку и слабые руки-бабочки, порхающие в бессмысленном полёте.

Когда-то Серёга подрабатывал пастухом, пока ферма не обанкротилась, и её не растащили на кирпичи. Коров забили на мясо, а прозвище так и осталось.

– И пусть, всё равно свою настоящую фамилию не знаю. А так, плежоре муле, как будто профессия, – он сидел вместе с Шитиком на досках выгребной ямы, пристроенной к бараку.

Рядом летали жирные навозные мухи и будто слушали его с интересом. А он всё повторял историю своей жизни длиной в тридцать лет о том, что никогда не знал своего отца, а мать француженка бросила его в пять лет и уплыла на пароходе с румыном. О том, как вырос в детдоме, а затем скитался от деревни к деревне, выполняя нехитрую работу. Улыбался и благодарно кивал, когда платили хлебом, а ещё лучше – горячим супом в литровой банке. Если вместо оплаты просто били, радовался, что не так сильно и не до крови. Он даже не удивился, когда ему надели мешок на голову и затолкали в машину.

В машине Серёга-Пастух никогда не катался. Рассказывал, что ехать было интересно, хотя и не видно ничего из-за мешка. Но там, куда увезли, ему не очень понравилось. Мешала тяжелая цепь, которую привязывали по ночам к ноге, чтобы не сбежал. А днём заставляли работать.

– И зачем мне цепь? – искренне не понимал он. – Кормят, поят, даже штаны выдали и футболку с надписью на английском. У меня такой никогда не было. Мерси амур, честное слово.

– Так чего ж ушёл-то? – сплюнув под ноги, спросил Шитик.

– Осенью холодно стало. Я у них куртку попросил. А они меня в ледяной колодец окунули. Потом весь вечер смеялись, и я вместе с ними. Правда, смешно же. Человеку холодно, а его – в колодец. Про цепь забыли. Вот я и убёг. Босиком. Они на ночь ботинки забирали.

– Здесь-то что лучше? – Шитик оглянулся через плечо на окна Демида, приютившего у себя Серёгу-Пастуха и Витьку с Маринкой. Это она обычно первая начинала драку, подзадоривая остальных, отборной лагерной бранью.

– Лучше... Свободнее.

Он украдкой отогнул ворот засаленного пиджака размера на три больше, посмотрел на грудь и погладил её трепетно и осторожно.

– Печёт сегодня, – заметив этот жест, Шитик закурил и будто невзначай сказал. – У тебя там чекушка что ли?

– Была, давно бы выпил, бонсуа-муа, – он немного помолчал, а потом неожиданно спросил, – у тебя карандаш есть?

– А на что он мне? – Шитик с любопытством посмотрел на Серёгу-Пастуха.

– Ну, мало ли. Бон вояж гарсон амур.

– Опять на чухонском залопотал, француз недоделанный? – из окна послышался голос Демида. – Иди за лисичками. Дома жрать нечего.

Серёга-Пастух мелко закивал, соскочил с выгребной ямы, распахнул скрипнувшую дверь, петли которой давно никто не смазывал, и скрылся в подъезде.

Через минуту он вышел с большой плетеной корзиной и направился в сторону леса. Под нечесаными свалявшимися волосами стекал пот. Раскаленная песчаная дорога пылилась под ногами в старых продранных ботинках, из которых торчали пальцы с длинными чёрными ногтями. На обочинах с жёлтыми цветками-пуговицами застыла пижма в терпеливом ожидании прохлады. Солнце вдруг засветило с большей яростью и злобой, будто хотело выжечь Серёгу-Пастуха с земли, оставив на его месте тлеющие угли. А потом за работу возьмётся ветер, подхватит их и не оставит ничего, даже памяти.

Последний дом с баней из толстых крепких брёвен стоял на отшибе деревни и выделялся основательностью. Во дворе Оксана развешивала на верёвке только что выстиранные белоснежные простыни.

– Бонжур, мадам! – Серёга-Пастух вскинул вверх руку и сощурился, будто эти простыни слепили его.

– Здравствуйте, – сдержанно кивнула она и, немного подумав, добавила, – Бонжур, месье!

Серёга–Пастух сконфузился, вжал голову в плечи и побрёл дальше. Он чувствовал, что Оксана смотрит ему вслед толи с презрением, толи с жалостью. «Лучше бы с жалостью, – подумал он, – это, наверно, приятно».

Перейдя два бывших колхозных поля, заросших ивняком и осокой, он вышел к осиновому пролеску и, не останавливаясь, прошёл дальше. Лисички здесь не растут, они всё больше на сосновых борах. Вдруг в воздухе раздался грохот, похожий на удар молотом по листу железа. А потом ещё раз и ещё.

– Гроза будет, – подумал Серёга-Пастух, прижал руку к груди, но не повернул назад.

Домой с пустой корзиной возвращаться нельзя. Маринка заверещит, а Демид молча кивнет, позволив ей ударить первой.

Он помнил, как однажды вернулся с пустыми руками. Его отправили обшаривать сети и мережи рыбаков. Демид тогда сидел на своем привычном месте в притащенном со свалки ободранном кресле. Пьяная Маринка раскачивалась на табурете, а увидев его, тут же вскочила:

– Принёс?

– Не успел, шерше-мушель. До меня уже всё забрали, – Серёга-Пастух виновато развел руками.

– Зачем вернулся? – спокойно спросил Демид.

– Так я это, я не успел, – снова повторил Серёга-Пастух и непроизвольно закрыл лицо тощей рукой.

– Воспитывать тебя будем, – всё так же спокойно сказал Демид.

Он зачем-то взял кочергу, пошевелил ею в печке оставшуюся с весны золу и посмотрел на Маринку. Она, казалось, только и ждала этого немого одобрения. Бросилась на Серёгу-Пастуха с кулаками, дико визжа. На крики из комнаты выбежал Витёк и принялся пинать его ногами, стараясь побольнее ударить в живот и отбить почки. Серё-

га-Пастух не сопротивлялся. Он давно понял, что нужно просто закрыть глаза и думать о хорошем. Потому что всё хорошее быстро заканчивается, это он знал наверняка.

Поднялся ветер. Пощёлкивая, заволновались осиновые листья. По небу, словно перелётные птицы в стаю, стремительно стягивались тучи. Темнело. Серёга-Пастух уходил всё дальше в лес, минуя болото с ободранными халпалками кустами черники. Деревья надсадно скрипели, раскачиваясь в каком-то магическом ритуальном танце. Вторя им, он нагибался, выковыривая из мха мелкие личички, иссушенные стоявшим несколько дней зноем. Небо накалилось, сверкнув длинной, уходящей за горизонт молнией, и наконец треснуло, ливнем обрушившись на истосковавшуюся сухую землю.

Серёга-Пастух прижал руку к груди, будто мог защитить то, что было под пиджаком. Посмотрел на дно корзины, где лежало несколько жалких грибов, на мгновение застыл и бросился в деревню.

Захлебываясь потоками дождя, он побежал, не разбирая дороги. Падал и раздирал лицо в кровь о сухие обломанные сучья. Еловые лапы хватали его за руки, а ветер злобно смеялся, ударяя в живот. Серёга-Пастух впервые с мольбой посмотрел вверх, не отрывая руку от груди. А темное небо, казалось, отвернулось от него, закрыв глаза.

Наконец впереди показалась деревня. Ещё совсем недавно обжигающая песчаная дорога наполнилась чавкающими скользкими лужами. Цветы пижмы покорно, будто придавленные сапогом, прижимались к земле. То и дело, падая в мутно-коричневую жижу и снова поднимаясь, Серёга-Пастух добежал до крайнего дома, распахнул калитку, и тяжело взошёл на крыльцо. Там, переведя дух, забарабанил в крепкую железную дверь.

Долго не открывали. Затем послышался женский настороженный голос:

– Кто здесь?

– Мадмуазель, мерси, откройте.

Томительная тишина за дверью нарастала. Мимо в сторону леса пролетела чья-то карбонатная теплица. Раздался двукратный щелчок замка, и на пороге появилась Оксана в льняном сарафане с вышитыми незабудками на груди.

– Неужели на бутылку в такую погоду... – она так и не договорила, уставившись на расцарапанного промокшего Серёгу-Пастуха.

– Я это... – он отогнул ворот пиджака и осторожно, словно драгоценный музейный экспонат, вытащил из-за пазухи зеленую влажную тетрадь с загнутыми страницами. – Можно её у вас оставить, обсохнуть?

Оксана, все ещё обескураженная, протянула руку.

– Можете посмотреть, мон шер, если хотите, – он вжал голову в плечи, обтер лицо шляпой и спустился с крыльца.

Серёга-Пастух шёл по дороге, пригибаясь от ветра и поскальзываясь в лужах, но руки его теперь были легки и свободны. Сегодня он домой не пойдёт. Непогоду лучше переждать в старом, растасканном на бревна амбаре. А завтра они забудут о лисичках и, может, даже скажут, что волновались.

– Кто к тебе приходил? – спросит Артём, громко опустит чашку на стол и нервно перекрутит обручальное кольцо на безымянном пальце.

– Серёга-Пастух, – быстро ответит Оксана, – на бутылку просил.

– Вот скотина, ниже плинтуса уже опустился. Дверь ему больше не открывай. И чтоб духа здесь чужого не было. Поняла меня?

– А если ученики придут?

– Знаю я твоих бездарей. Сначала они, потом их папаши заявятся. Все вопросы в школе решай. Поняла меня? – ещё раз требовательно спросит Артём.

– Да, – тихо отзовется Оксана и, пряча тетрадь, скроется в спальне.

Там она сядет спиной к двери и раскроет первую страницу. Застынет на мгновение, выпрямится, а потом жадно будет перелистывать, не веря своим глазам.

На обыкновенных тетрадных листах в клеточку будут рисунки карандашом. Оксана невольно zalюбуется райскими птицами, мельницами с широкими искусно очерченными лопастями, реками, спускающимися с заснеженных гор и нарядными дамами и кавалерами, плывущими в лодках по озеру, заросшему камышами.

На последней странице она обнаружит изображенного по пояс мужчину с тонкими подкрученными усами и чуть лукавыми, смеющимися глазами, тело которого покрывают мускулы. А внизу корявыми печатными буквами она прочтет надпись: «МОЙ ПАПА НАВЕРНА БЫЛ ТАКИМ».